

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К98

Sharon Cameron
THE LIGHT IN HIDDEN PLACES

Печатается с разрешения
Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Дизайн обложки Василия Половцева

Кэмерон, Шэрон.

К98 Свет в тайнике : [роман] / Шэрон Кэмерон ;
пер. с англ. Р. Шапиро. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 448 с. — (Дверь в прошлое).
ISBN 978-5-17-137337-5

1942 год, Перемышль.

Шестнадцатилетняя Стефания Подгорская уже много лет работает на семью Диамант в их продуктовом магазине. Они прекрасно ладят, и девушку даже ждет помолвка с их сыном — правда, это нужно держать в тайне, ведь Изя еврей.

Все меняет вторжение немецкой армии: город оккупируют, а семью Диамант переселяют в гетто. Стефания остается одна, без работы и поддержки, с маленькой сестрой на руках.

Но однажды на ее пороге появляется брат Изи, сумевший избежать лагеря смерти. И Стефания принимает роковое решение: рискнуть жизнью, укрыв в своем доме еврея...

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

Будучи основанной на реальных событиях,
эта книга все же остается литературным произведением
на историческую тему. Автор старался соблюдать максимальную
достоверность в изображении своих героев, мест и событий,
однако некоторые детали повествования
являются литературным вымыслом.

Также из соображений конфиденциальности
изменены имена нескольких действующих лиц.

Copyright © 2020 by Sharon Cameron.
All rights reserved.

© Р. Шапиро, перевод на русский
язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-137337-5

*Посвящается
Хелене, Малгоше, Эду, Лори и Миа*

ПАМЯТИ
*Исаака, Лиц, Изидора и Эрнестины Диамант,
а также всех евреев и поляков Перемышля,
ставших жертвами ненависти*

Перемышль, Польша
Ноябрь 1942

Там кто-то есть. В темноте.
Я открываю глаза.

Темно, как всегда. Ничего не видно. В комнату проникает запах вареной капусты из кухни живущей двумя этажами ниже Эмильки. Рядом со мной вздохнула во сне сестра. Но что-то во тьме настораживает меня. Эхо от пропущенного звука.

Там явно кто-то есть.

Теперь я полностью проснулась.

Осторожно отворачиваю одеяло и, замерев, прислушиваюсь, затем спускаю ноги на пол. Звук от распрямившейся матрасной пружины похож на ружейный выстрел. Сестра лежит неподвижно, слышно только ее сонное дыхание.

Кто бы это ни был, он не в комнате.

Босиком, ступая по половицам на цыпочках, я подкрадываюсь к окну и пальцем отгибаю краешек ковра, прибитого мной к оконной раме. В ярком свете уличных фонарей искрятся, летя вниз, острые кристаллики снежинок. На тротуаре рядом с моим домом нет ни

Шэрон Кэмерон

души, окна соседних зданий глядят на улицу мертвыми глазами, завешенные шторами, коврами и кусками ткани. Как и мое окно.

В Перемышле свет — все равно что вывеска на кондитерской лавке. Неразумно вывешивать знаки, указывающие, где хранятся сладости.

Я возвращаю ковер на место и, подойдя к двери, прижимаюсь к ней ухом, затем отодвигаю защелку. Пустой коридор ведет от нашей комнаты к другим комнатам безлюдной квартиры. Все как обычно. Как и должно быть.

И вдруг тишину пронизывает резкая дробь. Громче уличной стрельбы. Страх сдавливает грудь. Я теперь знаю, что за звук пропустила.

Кто-то стучится в дверь нашей квартиры.

Они знают. Они знают. Они знают.

Сердце выстукивает эти слова.

Позади выстреливает еще одна матрасная пружина, и теперь за спиной у меня стоит Хелена. Она молчит. Сестре шесть лет, и ей не надо объяснять, что сейчас не время задавать вопросы.

Стук повторяется уже громче, и на этот раз он сопровождается доносящимся сквозь дверную щель шепотом.

— Стефания?

Это хитрость. Гестапо хочет, чтобы я их впустила, не поднимая при этом шума. Чтобы им не пришлось ломать дверь. Чтобы потом можно было передать уютную квартиру в безупречном состоянии какому-нибудь достойному немецкому офицеру и его законопослушной жене с тщательно вымытыми волосами и в аккуратно заштопанных чулках.

Из-за двери снова доносится шепот.

— Открой дверь! Фуся!

Гестапо не знает этого моего прозвища.

Свет в тайнике

Я бросаюсь к двери, мои пальцы лихорадочно нащупывают недавно починенный замок. Я знаю, что это не он. Это не может быть он. И все же нахожу и поворачиваю ручку замка, затем распахиваю дверь. Хелена судорожно втягивает в себя воздух. Или, быть может, это я издала стон? В тусклом свете свисающей с потолка лампочки в прихожей ясно вижу, что это не он. Это не тот, кого я ожидала увидеть.

— Макс! — шепчу я.

1936

До Перемышля в моей жизни было много кур. И лошадей. Прозрачный воздух, деревья, длинные заплатки полей на крутящихся холмах — как на гигантском смятом одеяле. Весной и осенью я бегала в школу по петляющим между холмами тропинкам, а зимой, когда их заметал глубокий снег, ела суп, сидя в нашей наполненной паром кухне, и заедала его ржаным хлебом. Но каждое воскресенье, какая бы ни стояла погода, втиснувшись между братьями и сестрами, которых в конце концов стало восемь, на телеге, я отправлялась к мессе в деревню Бирча. Это было отличное детство.

Тем не менее я ненавидела деревенскую жизнь. В свинарнике воняло, но не лучше были запахи и от сарая, и от выгребной ямы, и от крестьян, пахавших в поле на жарком солнце. Я ненавидела кучи навоза, как будто специально спрятанные в траве, чтобы запачкать мои туфли. Мне была неприятна краснота маминых рук после стирки или после того, как она приняла ребенка у соседки. И я не выносила беспрестанное раздражающее квохтанье наших кур. Оно никогда не прекращалось. Я была убеждена, что они вообще никогда не спят.

Кроме ненормального петуха, который раз за разом, вместо того чтобы кукарекать навстречу восходящему солнцу, начинал кричать при виде поднимающейся на небо луны.

Я не возражала, если мне поручали ощипывать кур.

Первую попытку сбежать из деревни я предприняла, когда мне исполнилось одиннадцать лет. Мама взяла меня с собой, чтобы навестить двух моих выросших и теперь работающих в городе сестер; мы отправились туда на почтовой карете. Это был, как пояснила мать, подарок в честь моего дня рождения, который приходился на Пасхальную неделю. У всех нас девятерых был день рождения на Пасху, или, по крайней мере, именно в это время мы его отмечали. У мамы не было времени запоминать, когда мы на самом деле родились, как, впрочем, и наши полные имена. Меня никогда не называли Стефанией. Я была Стефи. Или Стефуська. Но чаще всего — просто Фуся.

Будь у меня девять детей, я бы тоже не помнила, как их зовут.

Мама рассчиталась с кучером и взяла меня за руку. Кожа у нее была огрубевшая и шершавая. Мама, как правило, хорошо обо мне заботилась, так же, как и мой *tata*¹, когда он был еще жив. Они обо всех нас заботились, но мне все равно не хотелось держать ее за руку.

Теперь мне порой не хватает ее рук.

Я упиралась и вырывалась, пока мы не оказались в центре Перемышля, и тут весь стыд от необходимости держаться за мамину руку был позабыт. Кругом грохотали по брусчатке повозки, гудки автомобилей напоминали блеяние овец. Пронзительно лязгали вагоны, паровозы извергали в небо клубы пара. И галдеж фермерш на площади, выкрикивающих цены на свой товар,

¹ Папа (польск.)

Шэрон Кэмерон

звучал намного приятней куриного кудахтанья. Все эти звуки складывались в изумительную музыку. В игру духового оркестра. В симфонию.

Мы делали покупки в ларьках на улице и в магазинах с нарядными витринами. Платье для мамы, туфли для меня и капор для малышки Хелены. Я гладила пальцами красные шелковые ленты и блестящую серебряную обертку шоколадки. Сестры угостили нас изысканным обедом, то есть мясными консервами вместо привычного куска мяса, сервированными на чистой скатерти в их съемной квартире на третьем этаже. Мама задыхалась, карабкаясь сюда по лестнице, а мне хотелось тут же сбежать вниз по ступеням, чтобы только снова подняться наверх.

После обеда мама и сестры пили чай, а я, прижавшись носом к оконному стеклу, впитывала в себя все происходившее на улице и, когда пришло время прощаться, разрыдалась. Я умоляла. Топала ногами. Угрожала и упрашивала оставить меня здесь. Сестры будут не против. Со мной не будет никаких хлопот. Тем не менее я уже доставила массу беспокойства, и мамины жесткие руки втащили меня в почтовую карету.

Прошло полтора года, прежде чем мама позволила мне снова поехать с ней в город. На этот раз, когда я вновь очутилась на шумных улицах Перемышля, мне было уже почти тринадцать. Я стала старше. Умнее. Лиф платья стал мне тесен. И я уже знала, как надо будет вести себя с матерью. Шепотом переговорила с сестрами; они уже были подготовлены письмом, которое я отправила им за месяц до поездки. После обеда аккуратно вытирала уголки рта, плотно сдвигала ноги, смиренно пила чай и молча слушала мамины разговоры. И, когда уже почти подошло время, чтобы идти на остановку почтовой кареты, я заявила маме, что никуда не поеду.

Мама просила меня, умоляла. Даже немного поплакала. Она не стала топать ногами. Я объяснила ей, что Марыся нашла для меня работу.

— Это правда, мама, — подтвердила Марыся. — Пани Диамант требуется девочка. Это всего через несколько домов от нас.

Я добавила, что Андзя устроила для меня постель за диваном.

— Я положила два одеяла, мама. И прослежу, чтобы она ходила к мессе каждую неделю, — сказала Андзя.

Я обещала маме, что часть своего жалованья буду отдавать сестрам за еду. И что даже больше буду отсылать домой, чтобы мама смогла нанять еще одного помощника. Или купить больше кур, если захочет.

— Это ведь будет неплохая помощь, правда, мама? — улыбнулась Марыся.

— Но, Фуся, как же быть со школой? — волновалась мама.

Я разгладила складки платья.

— Перемышль будет моей школой, мама.

На этот раз она села в почтовую карету без меня.

* * *

В свой первый трудовой день я вприпрыжку отправилась в лавку Диамантов, успев по дороге спугнуть прохаживавшихся по тротуару голубей, сунуть нос в узкие проулучки между домами, полюбоваться на витрину фотоателье и поиграть с бездомной кошкой. Звон колоколов рвался ввысь — в бездонное, пронзительно голубое небо.

Я распахнула дверь в магазин, и навстречу мне звякнул теперь уже гораздо меньшего размера колокольчик. Женщина, уютно устроившаяся позади прилавка, подняла на меня глаза. В воздухе стоял запах свежего хлеба, яблок, оберточной бумаги, шпагата, а на полках

Шэрон Кэмерон

за стеклом тянулись бесконечные ряды шоколадок в обертках. Пока я стояла, раскачиваясь на носках, посреди этого великолепия, женщина оглядела меня с головы до ног. Ее обширный зад свисал по бокам стула, на котором она сидела.

— Ну что ж, — произнесла она, — посмотрим, что принесло мне сегодня солнышко. Ты ведь девочка Подгорских? Как тебя зовут, *ketzele*¹?

— Стефания, — с наслаждением произнесла я свое полное имя.

— А я пани Диамант. Стефания, ты умеешь читать?

— Да, пани Диамант.

— А писать?

Я кивнула. Наша ферма была не в такой уж глуши.

— Хорошо. Отлично. Тогда, будь добра, посчитай товары у меня на полках.

Я сложила в угол за прилавком пальто и принесенный из дома бутерброд с сыром, и пани Диамант вручила мне лист бумаги, прикрепленный к дощечке с болтающимся на шнурке огрызком карандаша. Каблуки моих туфель звонко цокали по скрипящим половицам, это звучало очень по-взрослому и заставило меня улыбнуться. Я составляла опись крупными ровными строчками. Пани Диамант заполняла колонками цифр страницы своей тетради, одновременно наблюдая за мной, и, когда я отодвинула в сторону бутылку содовой, на меня из-за полков уставились два карих глаза.

— Ты всегда поёшь, когда считаешь? — спросил мальчишеский голос.

Я прижала дощечку к груди и залилась краской. Я, оказывается, пела. Как маленькая.

Я и была маленькая девочка. Просто не догадывалась об этом тогда.

¹ Котеночек (польск.)

Глаза между бутылками с водой насмешливо сощурились и исчезли. А потом они уже оказались над полками, разглядывая меня сверху. Высокий подросток, еще по-мальчишески худой, с копной спутанных черных курчавых волос, нависающих над дугами темных бровей. Он улыбался.

— Ты уж теперь не останавливайся, — сказал он. — Ты мое утреннее развлечение. Как тебя зовут?

— Стефания.

Он запрокинул голову.

— Тебя ведь никто так не называет, правда?

Так оно и было.

— И как же тебя зовут? Стефи?

— Стефуська.

Он ждал.

— Еще Стефуса, — добавила я. — И Фуся. Но я предпочитаю, чтобы меня называли...

— Стефи, Стефуська, Стефуса, Фуся. — Мальчик помотал головой. — Ты опоздала. Я буду называть тебя Фуся. Спой мне еще песенку, Фуся. *Mate*¹ стоит начать продавать билеты...

— Изя! — прикрикнула на него со своего места пани Диамант. — Оставь ребенка в покое, *bubbala*². Она сегодня первый день работает. *Nemen deyn tukis tsu shule*³.

— *Mate*...

— Отправляйся в школу!

Он передернул плечами и присоединился к двум другим мальчикам, уже ожидавшим его у выхода. Один из них был повыше его ростом, другой — пониже, но у всех троих была одинаковая черная шевелюра. И все они были старше меня.

¹ Мама (польск.)

² Дорогой (здесь и далее — идиш, если не указано иное).

³ Тащи свой тухес (место, откуда растут ноги) в школу.

Шэрон Кэмерон

Братья, решила я про себя. Что такое братья, я знала очень хорошо. С братьями надо всегда уметь постоять за себя.

Я вернулась к своему занятию, сделала запись на листке и в полный голос запела танго, заслышав которое мама всегда выключала радио. И это, само собой, означало, что я слушала его при любой возможности.

*Твои слова нависают надо мной как грозовые тучи,
Твой смех проливает на меня холодный ливень...*

Я чувствовала, что в комнате у меня за спиной насторожились.

*Мне не нужны твои наполненные ветром слова.
Я не хочу слышать твой звенящий смех.
Я просто хочу, чтобы ты ушел...*

Но я не стала произносить следующее слово из песни. Вместо него я спела «в школу». Позади меня раздался хохот, но я сдерживала улыбку до тех пор, пока у дверей не прекратилась толкотня и не послышался топот убегающих ног, сопровождаемый треньканьем колокольчика. Взглянув на пани Диамант, я увидела, что она качает головой, но вокруг глаз у нее собрались морщинки, совсем как у ее сына.

С тех пор у нас завелся утренний ритуал. Перед школой Изидор Диамант, более известный как Изя, просовывал голову из-за двери, ведущей в магазин, и просил:

— Спой для меня, Фуся! — И я запевала дерзкую песенку, приказывая ему отправляться прочь. Не прошло и недели, как вся улица Мицкевича стала называть меня Фусей.

Я узнала, как зовут других братьев. Младшего — Хенека — я не интересовала, а самый старший из троих,

Макс, уже начавший обучаться профессии, чаще улыбался, чем говорил. У них был еще один брат, Хаим, изучавший медицину в Италии, в городе, о котором я никогда не слыхала, и сестра во Львове, недалеко от нас; их отец, пан Диамант, не выходил из дома, выздоравливая после какой-то болезни крови. Я также узнала, что мне не придется работать по субботам, поскольку Диаманты — евреи, а также что пани Диамант умеет печь замечательную *babka*¹.

В мои обязанности входило подметание полов, упаковка покупок и протирание полок, и пани Диамант говорила, что я быстро всему учусь. Довольно скоро она стала посылать меня с разными поручениями на рыночную площадь, и там я впервые стала свидетельницей драки. Двое мальчишек лупили друг друга, барахтаясь в грязной канаве.

Это не было похоже на вспыхивающие порой потасовки моих братьев или драки ребят в моей школе в Бирче, нет. Происходящее выглядело отвратительно.

Стоявший поблизости полицейский, потушив окурок каблуком, безучастно наблюдал за происходящим, как вдруг мужчина, в перепачканных брюках, со следами сажки на щеке, растолкал круг зевак и, схватив за воротники рубашек, растащил в стороны шипящих как коты и плюющих друг в друга мальчишек. Одного из них, которого он держал правой рукой, мужчина тряс до тех пор, пока, как мне показалось, у парня не стали лязгать зубы.

— В чем дело, Оскар? — спросил он наконец. — С чего это ты устроил на улице драку, как бандит?

— Он меня ударил, — с трудом выговорил Оскар.

— Да что ты говоришь?! Значит, он тебя ударил?! Стукнул тебя безо всякой причины?

¹ Бабка (польск.) — традиционная польская сладкая выпечка из дрожжевого теста, часто с добавлением изюма и ванили.

Шэрон Кэмерон

Человек перевел взгляд на другого мальчишку, и вся толпа также повернулась в ту сторону.

Мальчик подобрал с земли кепку и вытер кровь с разбитого носа.

— Он назвал меня грязным евреем.

Мужчина покачал головой и снова встряхнул Оскара.

— Что с тобой не так? Посмотри на этого парня...

Оскар, скосив глаза, посмотрел в сторону своего соперника.

— У него такие же руки и ноги, как у тебя, и по жилам тоже течет кровь. Что тебе за дело, если его семья соблюдает закон Моисея? Давай-ка пожми этому мальчишку руку. Ну, быстрее, пока я не рассказал твоей матери!

Мальчишки нехотя обменялись рукопожатием, и, когда они разошлись в разные стороны и толпа стала рассеиваться, стоявшая за моей спиной женщина пробормотала:

— Грязный еврей.

Я нашла для пани Диамант сливы по хорошей цене. Вернувшись в лавку, я проскользнула через дверь и, запершись в туалете, стояла там, уставившись на свое отражение в зеркале. Я трогала свое лицо, кожу на руках, каштановые волосы. Люди ненавидят этого парня, потому что он еврей. Быть может, Диаманты ненавидят меня за то, что я католичка?

В тот день я уговорила пани Диамант встать со своего стула и сделать вместе со мной зарядку вроде той, какую, как я видела, делают ученики на гимназическом дворе. От наших упражнений несколько шоколадок в красивых обертках соскользнули с полок на пол, а пани Диамант смеялась не переставая и вытирала пот в складках шеи.

— Иногда, моя *ketzele*, — я уже знала, что это слово означает «котенок», — солнышко, которое ты приносишь с собой, бывает очень жарким!